

ЛУИС СИМПСОН

С английского *

К Новому Свету

Сирена из Европы поманила,
И от холмов пастушеских в Китай
Три каравеллы подняли ветрила,
И флот, штормов хлебнувший через край,
К заливу Мексиканскому прибило.

И мы пример отцов не позабыли:
Из Палоса направив корабли,
На утре дней мы море переплыли
И с палубы увидели вдали
Безвестный берег, брезживший при штиле.

Мы не нашли сокровища Китая.
Здесь, на краю, в Америке глухой,
Стучит топор, и, рук не покладая,
Мы трудимся над дикою землей,
Могилами трущобы обживая.

Американские мечты

В мечтах явилась жизнь моя ко мне,
Мои возлюбленные, гибкие, как лани.
Но любит и Америка мечтать.
Мечта, ты и Россию овеваешь,
И над дремотной Азией летишь.

Как поглядишь на улицу в обычный
Калифорнийский солнечный денек —
Ах, это мой внизу, мой дом пылает,
И близкие мои лежат у сточных ям,
Пока солдаты наши входят в город.

---

* Луис Симпсон — Стихи (*Перевод с английского О. Чухонцева*) // *Современная американская поэзия* (М.: Прогресс, 1975), 301–309.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2008.
<http://imwerden.de>

Я просыпаюсь каждый день далеко
От жизни собственной, в чужой стране,
Где люди говорят на непонятном языке,
И это странно для меня, и странно,
Я полагаю, и для них самих.

Я видел себя в городе безлюдном

Я видел себя в городе безлюдном,
Большом и затемненном, как Париж,
На площади пустынной. Ночь дрожала
От яростного ожидания. Там,
На горизонте, что-то громыхало
И двигалось. Орудья в небеса
Качали краску. Там был фронт и были
Друзья. А здесь я всеми был забыт.
Безлюдный город и пустая площадь —
Вот место пребывания и вот
Моя забота. Каска с плоским гребнем,
Винтовка списанного образца,
И сапоги на стоптанных подковках,
И долгополая шинель с ремнем —
Все было по-солдатски неуклюжим,
И сам я был нескладным, как медведь.

Над крышами домов, над возвышеньем
Соборов темных вынырнули вдруг
Большие птицы: «Ньюпортский разведчик»
И «Таубе» немецкий. Два врага
Гонялись друг за другом, кувыркались,
Пока один не рухнул, весь в огне.

Великие, забыты эти войны,
Как распри фараонов. Мой двойник,
В чьих сапогах стоял я, мог ли знать ты,
Что ты возникнешь сорок лет спустя
Во мне, как я в твоём воображенье?

Внезапность пробуждения дробит
Порядок нашей смерти, и приходят
Мечты причудливые, а мечты,
Как никогда, нуждаются в патентах.

Воспоминанья о проигранной войне

Орудья знают, что есть что, следя в прицел,
А мы гуськом
Вдоль рваных ранцев и сапог, зубов и тел
Едва бредем.

Как целлулоид, резок оттиск этих сцен,
Бьет миномет,
Чинзано падает, и рушится Мишлен,
И ночь грядет.

Пока темнеет, может каждый говорить,
Кому не лень:
— Мы окопаемся. — А завтра, может быть,
Последний день.

Блеск молний ширящийся лунный свет затмил.
За взводом взвод
Шагают сны, пока мы валимся без сил,
На фронт — вперед.

Еще вы молоды, и на концах ветвей
Роса нежна,
Ложитесь спать — она разбудит вас верней,
Чем тишина.

Очнутся стрелки и замрут, как пульс у вен.
Кровав их счет,
Но и они идут за теми же, за кем
И смерть идет.

*Отец прикрикнет: — «Цыц!» —
и хоть умри*

Отец прикрикнет: — Цыц! — и хоть умри:
Он занят вечерами, он читает,
Шуршат страницы.
Кричат лягушки, светят фонари.

А мать накрутит хриплый граммофон —
И грянет «Ламмермурская невеста»
Иль выйдет сказка,
Где будут принц, и замок, и дракон.

Луна и звезды над холмом стоят,
И я пред королевскими вратами —
    Так сказка длится, —
О Фула, ночь, когда и мыши спят.

А мне случилось в Фуле побывать:
И путь далекий, и невзгоды мира, —
    Всего хватило —
Терпеть и думать, верить и страдать.

Поля, моря... куда они влекли?
Париж и Рим протягивали руки,
    И, соблазняя,
Мне Бог крылатый виделся вдали.

Вот дом мой. Вот под буком у стены
Качается малыш, другой играет.
    Они хотели,
Чтоб я пришел, — и не удивлены.

А мой отец не устает сидеть,
Мать плачет, звезды и луна сияют.
    И шепчет ветер,
Что все, как было, так и будет впредь.

О, разве прав он? Вне его суда
Живу я. И, однако, это правда,
    Что там, на сцене
Любви и ужаса, все, как всегда.

Они сидят — отец, ребенок, мать —
Актеры из домашнего театра —
    В застывших позах.
Как грустно деревянной куклой стать!

Вы знали их, казалось, много лет,
Но потрясите их, если хотите, —
    Они безмолвны.
Спектакль окончен, и гасите свет.

Что делал ты, отец? Кого ты, мать,
Оплакивала? Разве это важно?
    И скажет ветер:
— Послушайте! — и дети лягут спать.

Секвойи

Горы движутся, реки бегут.
Но мы — неподвижны.

У нас размышленья гигантов —
облака и ночные звезды.

У нас имена гортанные, дикие —
Хэмт, Ог — древние имена.

И мы умираем одна за другой,
мышами подточенные. И рушимся.

В смерти медлительны — мы каменеем.
Или мгновенны — как свечи в огне.

Гиганты всегда одиноки. Мы долго
ждали кого-нибудь. Должен же быть

кто-то, кто нашим терпением взыскан,
кто наши ветки нежно сомнет

в крепких ладонях; должны же быть руки,
которые нас обнимут, поймут,

кому мы легки, как кусты барбариса.
О, если такой существует поэт,

пусть он придет! Мы стоим над Тихим,
как большие безмужние бабы,

и, вращая звезды и облака в головах,
смотрим, кому бы нам приглянуться.

Ива, ясень и дуб

Когда свобода занялась,
Уже сраженья шли,
И шли стрелки, месили грязь,
Трофеи волокли,
И лук в руках законом был
И правдою земли.

О ива, ясень и дуб вековой,
Пехота лежит под зеленой травой!

У Ватерлоо и Мальплаке,
В стволы вложив привет,
Записки слали на курке
И кланялись в ответ,
У Аппоматокса как штык
Был четок этикет.

О ива, ясень и дуб вековой,
Пехота лежит под зеленой травой!

Но как Верден, так и Бастонь
Сломали четкий строй,
И прямо в душу бил патрон
И гнул к земле сырой,
И смерть была скучна, как смерть,
Был в дураках герой.

О ива, ясень и дуб вековой,
Пехота исходит зеленой травой!

Уолт Уитмен у Медвежьей горы

...жизнь, не дающая предпочтения любой
другой жизни любого предыдущего периода,
предпочитающая поэтому свое собственное
существование...

Ортега-и-Гассет

Ни верхом на коне, ни в кресле,
Но подобно себе самому, твердо стоящему на ногах,
Поэт сирени и смерти торчит у тропинки.
Даже бронзовые складки выглядят живыми.
И он глядит дружелюбно.

— Где панорама Миссисипи
И девушка, игравшая на фортепиано?
Где ты, Уолт?
Пустая дорога ведет на кладбище автомашин.

Где нация, которую ты обещал?
Домишки на крышах держат
Неимовернейшие снега,
И свет над улицей болен смертельно.

А что же народ, — посмотри — он пренебрегает тобой!
Только поэт остановится, чтобы прочесть эту надпись.

— Я здесь! — он ответил. —
Кажется, ты меня разглядел.
Впрочем, разве я не твердил, что занимаюсь саморекламой?
Разве слова мои были неясны?
Я не давал рецептов,
А тот, кто принял мои настроения
За пророчества, ошибается. —
Потом, усмехаясь: — За что ты меня упрекаешь?
Я признаюсь, у меня репутация скверная.
И все же я рад, что ты меня разглядел. —

Крокодильими складками бронза морщит...

И к тому же
Все агенты по найму,
Карманные воры, коммивояжеры, а также актеры,
Исполняющие казенные роли,
Стали глухими, служить нанялись
Американской мечте.

А магазиновладелец на этой пустынной дороге,
И домохозяйка, которая знает, что она дура,
И земля — чувствуют облегчение.

Вся эта громоздкая тяжесть Америки
Упразднена! Как Греция с Римом.
Будущее — в руинах!
Замки, тюрьмы, соборы
Рассозидаются в прах, и розы
Цветут на камнях, которых нет...

Облака расходятся над вершинами Сьерр,
Над заливом рассеивается туман;
И цветущая вишня, ангел у врат,
Пляшет, как итальянка, мечтая о красном.

Безногий на 42-й улице

1

Негр вырастает из тротуара, как спаржевый куст,
Одной рукой он стучит в барабан и тарелку,
Другую держит трубу.

Он машет американским флагом;
Когда он на культях своих идет,
Он дергается, припадает и шаркает.

Медная кружка его гремит;
Он сует ее прямо в ваше лицо:
Вы-то, ублюдки, не обеднеете!

Он не смущен.
Это вы перед ним смущены
Или бог. Таков уж порядок вещей.
Поэтому он стучит в барабан
И поэтому дует в трубу.

2

Я себя вижу в Венесуэле.
Бегут облака над моей головой,
И мысли мои блуждают.

Но безногий стоит у окна витрины,
Рекламируя камеры, пленки и утварь.
Табло течет и мерцает. Время
12.26.

О почему в беспредельности неба
Ангелы не говорят? Отчего
Это смятение, эти тела —
Эрос со сжатыми кулаками, плачущий и проклинающий?

Время 12.26.
Улицы вытянулись горящие,
И гиганты дрожат в электроцепях.

3

Мне кажется, в центре Венесуэлы
Я утонул в муравейнике. Мучает зуд,
Ноги мои обглоданы муравьями.

Ребра мои мучительно стиснул терн,
И мысль моя уже нереальна.
Но он — поставил в своей конуре

Стул и стол. Стул, как собака,
Ждет человека — и человек
Молча отстегивает протезы,

С грохотом стаскивает башмаки,
Освобождает свои обрубки
И сигарету подносит ко рту.

Кажется, что человек существует
Только затем, чтобы сказать: вот я каков.

Об авторах

СИМПСОН, ЛУИС (SIMPSON, LOUIS). Род. в 1923 г. на Ямайке, Вест-Индия, там же окончил колледж. Участник второй мировой войны. В 1948 г. окончил Колумбийский университет. Жил в Англии, Франции, Италии. Работал редактором в издательстве «Бобс-Меррил» в 1950—1955 гг.; в 1959—1967 гг. — профессор английской литературы в Калифорнийском университете, Беркли. Первая книга стихов — «Достигшие успеха» (“*The Arrivistes*”, 1949), после нее вышли сборники «Добрые вести о смерти» (“*Good News of Death*”, 1955), «Мечта о правителях»^А (“*A Dream of Governors*”, 1959), «В конце открытой дороги» (“*At the End of the Open Road*”, 1963), «Избранные стихи» (“*Selected Poems*”, 1965). В 1964 г. Симпсону присуждена премия Пулитцера. В 1972 г. опубликована его автобиография «К северу от Ямайки» (“*North of Jamaica*”).

Содержание

Перевод О. Чухонцева

К Новому Свету	301
Американские мечты	301
Я видел себя в городе безлюдном	302
Воспоминания о проигранной войне	303
Отец прикрикнет: — «Цыц!» — и хоть умри	304
Секвойи	305
Ива, ясень и дуб	306
Уолт Уитмен у Медвежьей горы	307
Безногий на 42-й улице	308

---

^А «Мечта правителей». (Прим. автора электронной версии.)